

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ/РТ

Бежар после Бежара

Москва и Петербург видят и судят мэтра по-разному

Русский телеграф, ~1998 - 30 апр. - с. 17

Д.М.: К сожалению, нет. Качество его танцоров и хореографии уже не те, что раньше. Хорошие артисты от Бежара уходят. Сегодня в Европе много отличных хореографов: Кириан, Форсайт, Матс Эк. И котируются они гораздо выше, чем Бежар.

П.Г.: Говорят, Бежар жесток по отношению к танцорам.

Д.М.: Он относится к сегодняшним артистам как к своим прежним: мы должны работать десять часов в день, не выходя из студии, без перерывов. Но все изменилось. Танцовщик сегодня более человек, чем раньше. Кроме танцев нужно, чтобы были любовь, друзья. А Бежар предполагает, что у нас кроме танцев — и самого Бежара — ничего нет.

П.Г.: Ты думаешь, что у Паоло Бортолуцци, Хорхе Донна не было ни жизни, ни любви, а только один Бежар?

Д.М.: Они были фанатиками балета. Не только они, но и все, кто окружал тогда Бежара. Это были 70-е годы, Бежар был единственным и великим, и работать с ним было — ну как попасть в поднебесье.

П.Г.: Ты можешь оценить спектакли, которые нам показали? Считаешь ли ты эти произведения адекватными времени? Не стал ли Бежар несколько old fashion?

Д.М.: Мое мнение — но это только мое мнение — «Мутации», конечно, слегка старомодный балет. В нем есть неподдельный пафос, но меня смущает некоторая легковесность, с которой Бежар трактует глобальные проблемы. Нет драматизма ситуации: вроде бы люди на сцене страдают, но ты не чувствуешь, что это страдания. А ведь то, на чем Бежар пытается сосредоточить внимание, — это не шутка. А получается все как-то очень просто: сначала атомная бомба, противогазы, потом эти люди в цветных костюмах... Мне кажется, публике сложно поверить в серьезность происходящего. «Дом священника» — по-моему, хороший балет. Конечно, это коммерческая вещь — очень мило и приятно: звучит музыка Фредди Меркьюри... Бежар обращается к проблеме СПИДа, и, мне кажется, ему удается быть достаточно точным... В балете много удач: мне нравится, как

сделано Анданте из 21-го фортепианного концерта Моцарта.

П.Г.: Ты сказал: коммерческая вещь. Между тем, питерская публика была искренне тронута. После спектакля я видел взбурдаженных людей, понявших этот нехитрый балет как горестное рассуждение старого человека о печальной судьбе западной гей-культуры. Согласись, СПИД — лишь повод для создания эсхатологической метафоры этой субкультуры. Бежару удалось сделать ее точный финальный портрет: сладостные райские песнопения гей-идола Фредди Меркьюри, гей-мода и ее патриарх Джанни Версаче, слезы Хорхе Донна, медицинские коляски и санитары, экзотические мутанты — бабочки-трансвеститы, без конца меняющие пол в тщелтной погоне за маленьким счастьем. Все это очень трепетно... И естественно, особенно задетой была та публика, которая принадлежит к т.н. сексуальным меньшинствам. Пафос балета обращен к ним.

М.Д.: Я так не думаю: эта проблема затрагивает каждого, не только гомосексуалов. Ведь на сцене не было мужчин, занимающихся любовью...

П.Г.: Но как быть с самым эффектным фрагментом в white goom, куда один за другим, строем попадают все танцовщики труппы?

М.Д.: Это может быть метафорой многих вещей: представь себе, что это пространство вируса — попав в него, сложно оттуда вырваться и т.д. Главное, что этот фрагмент пластически необыкновенно удачен.

П.Г.: Да уж, у части публики мурашки побежали по коже, а часть — закатила глаза в истоме... Бежар никогда не скрывал своей гомосексуальности, много рассуждал о месте мужчин в его жизни, о пафосе андрогинности и пр. Имидж труппы также всегда сообщал об этом: компания, в которой движущим элементом всегда был мужчина (гомосексуалист). Для него ставились самые эффектные вариации, вокруг него закручива-

лись сюжеты, и даже свой ранний шедевр «Болеро» Бежар в конце концов передал мужчине. Ты ощутил на себе специфическую ауру компании? При отборе танцовщиков учитывается ли фактор сексуальной ориентации?

Д.М.: Нет. Может быть это происходит на подсознательном уровне (думаю, даже наверняка), но наверху — нет. Я не думаю, что это важно. Моя сексуальность — факт моей частной жизни, и я вовсе не должен ставить кого-то об этом в известность. И потом, если я — гей, на сцене я должен быть исключительно мужчиной...

В 1987 году (или чуть раньше) в замкнутом балетном мире началась видео-эра. За десять лет мы увидели (и не просто увидели — всмотрелись и проанализировали) все главные эстетические схемы, наработанные балетным театром в XX веке. Картина балетного мира восстановилась — во всяком случае в нашем сознании — во всех принципиальных деталях. В ней нет больше пробелов, и место Бежара там строго зафиксировано (см. Удачный сериал французского канала La Sept «Век танца»). За десять лет мы приобрели определенный уровень профессионального видения, и невозможно больше от него абстрагироваться: высидев две недели репетиций «Аполлона» и «Серенады» Баланчина, сложно искренне восхищаться хореографическими текстами, которые рангом ниже.

Пару лет назад в газете «Коммерсант-Daily» я попробовал применить к артистической биографии Бежара известную схему Вельфлина «архаика — классика — барокко», идентифицировав «классический» период Бежара с его ленинградскими гастролями 1987 года и обозначив все, что было после, как «барокко» (по Вельфлину «барокко» — этап разложения художественной системы). То, что мы увидели в этот раз, это уже даже не бежаровское «барокко» — это Бежар «после Бежара». Но можно смягчиться и сказать иначе: Бежар остался прежним — изменились мы.

ПАВЕЛ ГЕРШЕНЗОН

В Москве гастроли труппы Мориса Бежара были вторые по счету, в Петербурге — третьи («Балет XX века» пережил здесь триумф в 1987 году). Соответственно, критика обеих столиц оценивает событие по-разному: в Москве сейчас активно пишут те, кому во время московского дебюта Бежара в 1978 году было лет 10-12; в Питере — те, кто в 1987 году уже пребывал в сознательном возрасте. Последнее турне мастера оставило московских почитателей старого мэтра «обескураженными», и они этого не скрыли.

В Петербурге все было несколько иначе: обошлось без малограмотной телевизионной трескотни, без кулуарных скандалов, без взаимных обличений, билетных спекулянтов, засветки арендной платы — этих главных журналистских радостей московской части бежаровского турне. Представители Альфа-банка и Постмодерн-театра были любезны и предупредительны, опоздавшие VIP-дамы не устраивали истерики. После представления «Мутаций» за кулисами рыдали марииинские балерины, работавшие с Бежаром десять лет назад; с появлением в финале «Дома священника» кинокадров, запечатлевших покойного Хорхе Донна, дружно зарыдала публика. Люди слились в ностальгической грусти. Питер заявил, что любит Бежара «вообще» и готов простить ему Бежара «сегодняшнего».

Что до меня, то рабскому труду сочинения дежурной ругани по поводу спектаклей Bejart-Ballet-Lausanne я предпочел приятную беседу с артистом этой труппы.

Из беседы с Даниилой Мацотто:

П.Г.: В европейской балетной тусовке компания Бежара котируется так же высоко, как десять лет назад?